

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ П.Б. СТРУВЕ

М.Н. Начапкин

Петр Бернгардович Струве (1870-1944) представляет собой человека, динамика мысли которого, становилась настоящим событием, идейным прецедентом духовной жизни интеллектуальной элиты России, а затем эмиграционного Зарубежья. При этом его идейные «повороты» нередко становились истоком тех или иных течений русской общественно-политической мысли. Жизненный опыт и размышления дали ему возможность подвергнуть строгому пересмотру идеи славянофильства, марксизма. Одну за другой он их судил и осуждал. Струве сумел после первой русской революции (1905-1907 гг.) пересмотреть революционные и либеральные взгляды и перейти на позицию либерального консерватизма. Следует подчеркнуть, что вопрос о причинах изменения его мировоззрения остается и сегодня актуальным. Так американский ученый Р. Пайпс высказывает мысль о том, что идеология либерального консерватизма складывается у Струве в 1917 году. По нашему мнению, эта идеология у мыслителя сформировалась гораздо раньше, в 1909 году. Уже в сборнике «Вехи» можно увидеть концептуальные положения этой идеологии: приверженность к свободе и неразрывная связь с сильным, правовым государством, монархическим по форме; уважительное отношение к прошлому России при критическом анализе причин происшедшей катастрофы – революции; призыв к властям и оппозиции к компромиссу в политике. Струве стремился показать уникальность российского пути развития, и в то же время найти точки соприкосновения с европейской цивилизацией. Его западничество проявлялось в положительной оценке реформ Петра I, благотворности для России капиталистического развития в смысле укоренения буржуазных прав и свобод, и, прежде всего утверждения права собственности на землю для крестьян. Р. Пайпс сделал следующий вывод о взглядах этого человека: «В настоящее время фигура Струве как мыслителя и политического деятеля приобретает особую актуальность, поскольку одной из особенностей его мировоззрения было органичное сочетание национализма и

западничества ... Струве, ревностный патриотизм которого не вызывает сомнения, считал, что величие России невозможно без впитывания ею западной культуры. В этом смысле его идолами были Петр Великий и Пушкин¹. Согласно Пайпсу, разделяя идеи свободы и демократии, как политик Струве всегда оставался национальным мыслителем и патриотом.

В конце XIX в. Струве был одним из теоретиков марксизма в России. Он являлся составителем социал-демократического манифеста – первого официального документа РСДСП для минского съезда 1898 года. В нем он писал: «На своих политических плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевание политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата – к созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжал борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»². В начале XX в., в Штутгарте Струве издавал журнал «Освобождение» (1902). В качестве редактора издания Струве обещал, что страницы этого издания будут использованы для критики произвола и лжи бюрократии, а также для представления широкой публике всех составляющих оппозиционного движения.

На страницах «Освобождения» Струве опубликовал множество фактов свидетельствующих о репрессиях и коррупции имперской бюрократии. Его информация о коррупции содержала конкретные имена, даты и места. С помощью своих друзей в России, находящихся на высоких государственных постах Петр Бернгардович получал тексты сверхсекретных правительственных циркуляров. С их помощью он показывал репрессивную политику власти. Струве считал, что с монархическим правлением Николая II должно быть покончено. По его мнению, самодержавная монархия в России, превратилась в полицейское государство. Однако управлять страной только бюрократическими методами, на основе всестороннего

¹ Пайнс Р. Струве: левый либерал, 1870-1905. Т.1. М.: 2001. С.10.

² Там же. С.281.

полицейского наблюдения, тайных инструкций и циркуляров уже нельзя. Николай II должен пойти на уступки народу. Необходимо введение политической свободы, повышение уровня политической грамотности народа. Он полагал, что если власть не пойдет на эволюционные изменения, революция будет неизбежна. В своих статьях Струве одобрительно оценивал революционный террор в России, в частности убийство министра внутренних дел В.К. Плеве. В эмиграции Петр Бернгардович переходит на позиции радикального либерализма. Он разделяет программу партии кадетов, по списку которой избирается в Государственную Думу. События первой русской революции 1905-1907 гг. заставляет его задуматься о том пути развития России, который ей готовят представители интеллигенции, как революционной, так и либеральной. Ярким свидетельством пересмотра взглядов П.Б. Струве является его статья в сборнике «Вехи» (1909).

Статьи этого сборника были написаны авторами с болью за прошлое и в жгучей тревоги за будущее. М. Гершензон в предисловии к первому изданию писал: «Революция 1905-6 гг. и последовавшие за ней испытания явились как бы всенародным испытанием тех ценностей, которые более полувека, как высшую святыню, блюла нашу отечественная мысль»¹. Он призывал интеллигенцию проверить те самые основы ее мировоззрения, которые она до сих пор принимала на веру. Таким образом, одной из главных тем сборника «Вехи», стала тема «интеллигенция и революция». Именно так назвал свою публикацию в одноименном сборнике П.Б. Струве. Несмотря на прошедшие почти сто лет, его публикация «Интеллигенция и революция» читается необычайно современно. У части современной российской интеллигенции очень много общего с той интеллигенцией, которую критиковал Струве. Особенно это видно на примере либеральной интеллигенции. Так что статья Струве не потеряла актуальности и в современное время.

В своей статье Петр Бернгардович размышляет о причинах и последствиях революций в России, начиная с XVI века. Так,

¹ Вехи. Из глубины. М.: 1991. С.9.

сравнивая события Смуты (1598-1613) с недавней для него революцией 1905-1907 гг., он отмечал: «Революция конца XVI и начала XVII вв. в высшей степени поучительна при сопоставлении с пережитыми нами событиями. Обычно после революции и ее победы торжествует реакция в той или иной форме. Смута начала XVII века представляет ту оригинальную черту, что в этой революции как таковой, как народном движении непосредственно, минуя реакцию, одержали вверх здоровые элементы общества»¹. Струве особо выделял, что во время смуты, во главе нации «... стали консервативные общественные силы, способные на государственное строительство»². Государственные, национальные, земские начала сумели победить во время смуты силы противогосударственные, анархические. В статье Струве так показывает свое отрицательное отношение к революции: «Социальные результаты Смуты для низов были не только ничтожны, они были отрицательны. Поднявшись в анархическом бунте, направленном против государства, оседлые низы только увеличили свое собственное закрепощение и социальную силу «господ»³.

На смену противогосударственному казачеству в XIX в. пришла интеллигенция. Под интеллигенцией он понимал некую группу образованных людей. Струве связывал появление интеллигенции в 40-х гг. XIX в. с распространением идей западноевропейского социализма в России: «Восприятие русским передовыми умами западноевропейского атеистического социализма – вот духовное рождение русской интеллигенции в очерченном нами смысле»⁴. Как политическая категория она объявилась в эпоху великих реформ, и окончательно показала себя во время революции 1905-1907 гг. Конечно, интеллигенция имела свои национальные особенности, связанные с политическим и социально-экономическим развитием России. Роль этой социальной группы, в стране, лежащей на периферии европейской культуры была громадной. Значение

¹ Вехи... С.150.

² Там же. С.150-151.

³ Там же. С.151.

⁴ Там же. С.156.

интеллигенции в России определяется ее отношением к государству, в его идее и в его реальном воплощении.

Какие же особенности отечественной интеллигенции выделяет Струве? Первой особенностью отчуждение от государства и враждебность к нему. Это отщепенство было представлено в двух видах: как абсолютное – анархизм, с его отрицанием государства и всякого общественного порядка; и относительное. К относительному отчуждению мыслитель относил разные виды революционного радикализма. Социалисты видели в государстве только орудие в классовой борьбе.

Второй особенностью интеллигенции является ее отказ от служения религиозной идее: «Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность»¹. Именно в безрелигиозном отщепенстве интеллигенции от государства Струве видел ключ к пониманию первой русской революции. Критически оценивая интеллигенцию, Струве замечал, что она не служит ни миру, ни Богу.

В статье Петр Бернгардович называет третью черту интеллигенции – максимализм ее взглядов в духе девиза «все или ничего». При разработке своих концепций переустройства общества интеллигенция, по мнению Струве, исходила из ложного положения о коренной зависимости добра и зла в человеке от внешних условий. Она рассуждала следующим образом: главным препятствием на пути счастливого развития общества является политический строй, социальный уклад самодержавной, дворянской России. Поэтому надо броситься в атаку на него и уничтожить до основания: «... человек всегда готов, всегда достаточно созрел для лучшей жизни и только неразумное общественное устройство мешает ему проявить уже имеющиеся налицо свойства и возможности»². По мнению Струве, это было проявлением ничем не оправданного социального оптимизма.

Консервативная точка зрения на природу человека исходила из положения о необходимости личной ответственности, личного

¹ Вехи... С.154.

² Там же. С.164.

самоусовершенствования человека. Все отрицательные, дикие инстинкты нужно перевоспитывать. Мыслитель протестовал против сведения политики лишь к внешнему устройению жизни. Вслед за Н.М. Карамзиным он повторял, что важны не новые учреждения, а люди и их воспитание. Струве придавал большое значение политическому воспитанию и образованию народа. Идея личной ответственности человека, по мнению Струве, может быть воспитана христианской религией. Христианство учит не только подчинению, но и любви к Богу: «Для религиозного мирозерцания не может быть поэтому ничего более дорогого и важного, чем личное самоусовершенствование человека, на которое социализм принципиально не обращает внимания»¹. Он обвинял интеллигенцию в том, что она принципиально не занималась воспитанием народа. Между тем такое воспитание было необходимо в виду наличия у народа лишь смутных инстинктов. Таким образом, прогресс общества может быть следствием совершенствования человека.

Консервативным следует считать подход Струве к методам осуществления преобразований. Он отрицает резкие, насильственные изменения: «Дата 17 октября 1905 года знаменует собой принципиальное коренное преобразование сложившегося веками политического строя... Актом 17 октября по существу и формально революция должна была бы завершиться»².

При анализе противоречий российской политической жизни, Струве выделял противоречие между властью и образованным обществом (интеллигенцией). Государственная власть долгие годы не давала обществу свободу, хотела запретить жизнь народа в заранее установленные границы. Не предоставляя легальных политических прав обществу, власть толкала его к незаконной деятельности. Так, что велика была доля ответственности государственной власти за политический кризис начала XX века. С другой стороны, к компромиссу с властью не была настроена интеллигенция. Таким образом, особенностью русской политической жизни был радикализм. Струве отмечал: «...акт 17 октября подействовал

¹ Вехи... С.155.

² Там же. С.158.

опьяняюще на интеллигенцию. Она вообразила себя хозяином положения... В момент государственного преобразования 1905 г. отщепенские идеи и отщепенское положение всецело владели широкими кругами русских образованных людей»¹. Эта точка зрения подтверждается «Петербургским дневником» З.Н. Гиппиус – известной русской поэтессы. Она писала: «после неудавшейся революции 1905 года – не удавшейся потому, что самодержавие осталось, – интеллигенция если не усилилась, то расширилась. Разделяема внутренними несогласиями, она, однако, была объединена общим политическим, очень важным, отрицанием: отрицанием самодержавного режима»². Ненависть к самодержавию привела к тому, что З.Н. Гиппиус и ее муж Д.С. Мережковский сочувствовали партии социалистов-революционеров и поддерживали постоянные отношения с террористом Савинковым: «Несмотря на плохо разработанную идеологию, партия эта казалась нам наиболее органической, наиболее отвечающей русским условиям»³.

Струве понимал необходимость перемен в государственном управлении, но он считал необходимым сохранение монархии как исторической формы правления России. Поэтому он критиковал безрассудную позицию интеллигенции, выражавшуюся в ее стремление полностью уничтожить самодержавие. Петр Бернгардович писал: «И такое заявление делалось тогда, когда еще не было создано народное представительство и, главное, степень его подготовки к политической жизни, его политическая выдержка еще не кому не были известны. Никогда никто еще с таким бездонным легкомыслием не призывал к величайшим политическим и социальным переменам, как наши революционные партии и их организации в дни свободы»⁴.

Струве очень резко критикует авантюризм и преступную безответственность интеллигенции: «В ту борьбу с исторической

¹ Вехи... С.158.

² Гиппиус З.Н. Петербургский дневник. М.: 1991. С.7.

³ Там же С.8.

⁴ Вехи... С.159.

русской государственностью и с “буржуазным” социальным строем, которая после 17-го октября была проведена с еще большей страстностью и в гораздо более революционных формах, чем до 17 октября, интеллигенция внесла огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана – революционной идеи»¹. Как эта мысль Струве применима к современной российской интеллигенции начала 90-х гг. XX века. Можно вспомнить призывы либералов «уничтожить краснокоричневых фашистов», расстрелять без жалости Белый дом. Миллионы людей пострадали от радикальных либеральных реформ в экономике, были разорены и опущены на социальное дно из-за того, что кучка либеральных интеллигентов догматически следовала рекомендациям США и МВФ. Применимы и к оценке современной интеллигенции выводы Струве, об отсутствии у нее чувства личной ответственности, ее безрелигиозности, мечтательности, неделовитости, легкомыслии в политике, нетерпимости к другим точкам зрения. Мыслитель хотел донести до интеллигенции следующую важную мысль: борьба без творчества, аскетизм и подвижничество без Бога, несмотря на всю свою привлекательность, лишены принципиального морального значения и воспитательной силы.

Рассматривая важную тему воспитания народа, Струве сделал важный вывод, что интеллигентская доктрина не предполагала никаких обязанностей у народа и не ставила ему никаких воспитательных задач. И это, по его мнению, имело самые негативные последствия: «Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм или охлократия. Предъявляя самые радикальные требования, во имя их призывая народ к действиям, наша интеллигенция совершенно отрицала воспитание в политике и ставила на его место возбуждение»².

Под неделовитостью интеллигенции в политике Струве понимал отказ ее от компромиссов с властью. Он писал, что русско-японская война открыла глаза народу на отсутствие гражданских и

¹ Вехи... С.160.

² Там же. С.161.

политических свобод. Поэтому, добившись 17 октября 1905 г. манифеста о даровании народу гражданских и политических свобод, созыве Государственной Думы, интеллигенция должна была заняться воспитанием народа. Вместо воспитания интеллигенция возбудила народ на две всеобщие стачки, ряд жалких и бессмысленных военных бунтов. Все это должно было терроризировать и смести власть. Однако радикализм интеллигенции привел к реакционной политике власти: «Явились военно-полевые суды и бесконечные смертные казни. И затем государственный испуг превратился в нормальное политическое состояние, в котором до сих пор пребывает власть»¹.

В статье Струве призывал интеллигенцию подвергнуть коренному пересмотру свое миросозерцание, и в особенности социалистическое отрицание личной ответственности. Он высказывал необоснованную надежду на то, что интеллигенция откажется от своих революционных идей. Это «...будет зависеть от быстроты экономического развития России и от быстроты переработки всего ее экономического строя в конституционном духе»². Струве так же ошибался в своих прогнозах будущего социализма. В статье он сделал вывод о кризисе и разложении социализма на Западе. Такой же процесс, по его мнению, происходил и в России. Однако дальнейшая история страны показала ошибочность его взглядов по этому вопросу. Да и интеллигенция ко времени новой революции 1917 г. не успела «обуржуазиться», социально приспособиться и примириться с государством.

После революций 1917 г. в июле 1918 г. вышел новый сборник статей о русской революции «Из глубины». Предисловие к нему написал Петр Струве. Он констатировал, что «...русское образованное общество в своем большинстве не вняло обращенному к нему предостережению, не сознавая великой опасности, надвигавшейся на культуру и государственность»³. В предисловии к сборнику Струве обращает большое внимание на религиозную основу жизни. Он старается оценить происшедшие события 1917 г. с

¹ Вехи... С.163.

² Там же. С.165.

³ Там же. С.209.

религиозной точки зрения. Это свидетельствует об использовании Струве консервативной методологии. В частности он пишет: «... всем авторам одинаково присуще и дорого убеждение, что положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление»¹.

В сборник «Из глубины» Струве поместил статью «Исторический смысл русской революции и национальные задачи». По его мнению «...русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором»². Для Петра Бернгардовича имело первостепенное значение изучение причин той национальной катастрофы, которая именовалась русской революцией. Это было важно и для будущего русского народа. Струве хотел не только осмыслить те факторы, которые привели к поддержке населением разрушительных идей, но и очертить те ясные, положительные идеи, которые необходимы для возрождения страны.

Он писал, что часто для объяснения причин революций 1917 г. используется ссылка на невежество и некультурность народа. Для него эта ссылка была поверхностной и откровенно глупой. Не является в глазах Струве важной причиной революций бюрократизация управления страны. Он даже признает, что бюрократия низвергнутой империи работала технически удовлетворительно по сравнению с советской бюрократией: «В настоящее момент, когда мы живем под властью советской бюрократии и под пятой красной гвардии, мы начинаем понимать, чем были и какую культурную роль выполняли бюрократия и полиция низвергнутой монархии. То, что у Гоголя и Щедрина было шаржем, воплотилось в ужасающую действительность русской революционной демократии»³.

Феномен русской революции Струве объясняет тем извращенным идейным воспитанием, которое получала интеллигенция на протяжении почти всего XIX века. Кроме того,

¹ Вехи... С.209.

² Там же. С.459.

³ Там же. С.461.

корни русской революции были заложены в исторической отсталости России. На протяжении веков, с точки зрения Струве самодержавие опиралось на полную покорность того класса, который создавал русскую культуру. При этом дворянству, а затем и интеллигенции было отказано во властном участии в деле управления государством. Так самодержавие и создало в душах, помыслах людей психологию и традицию государственного отщепенства: «Извращенное же идейное воспитание интеллигенции восходит к тому, что близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчудило от государства широкий круг образованных людей, в то же время сделав эту интеллигенцию бесчувственной и слепой по отношению к противокультурным и зверским силам, дремавшим в народных массах»¹. В своей статье Струве показывает, как на протяжении XVIII-XIX вв. формировалась традиция государственного отщепенства. Он пишет о неудавшейся попытке верховников в 1730 г. ограничить кондициями власть Анны Ивановны. После провала этой попытки государственная власть «...окончательно заложила традицию утверждения русской монархии на политической покорности культурных классов пред независимой от них верховной властью»². При этом самодержавие расширяло привилегии дворянства, его власть над крепостными крестьянами. Крепостным правом монархия откупалась от политической реформы. Таким образом, из политического бесправия дворянства и других образованных классов родилось государственное отщепенство интеллигенции. Образованные элементы стали все больше и больше отчуждаться от государства, ведя с ним постоянно скрытую, а временами и открытую революционную борьбу. Идейной формой для отщепенства с 40-х гг. XIX в. стала идеология социализма. В соединении с дикими инстинктами народной массы она образовала гремучую смесь.

Петр Бернградovich считал, что большую ответственность за политический кризис начала XX в. несет самодержавие. Он

¹ Вехи... С.462.

² Там же. С.463.

перечисляет те ошибки, которые оно сделало: политическая реформа слишком запоздала в России, на целое столетие также было затянута личное освобождение крестьян, а также утверждение мелкой земельной собственности и упорядочение землепользования. Таким образом, русская история до 1917 г. предстает как результат несвоевременного реформирования. Струве правильно сделал вывод о том, что в России не успела сформироваться традиция уважения к частной собственности: «...совершенно очевидно, что крушение государственности и глубокое повреждение культуры, принесенные революцией, произошли не от того, что у нас было слишком много промышленного и вообще городского пролетариата в точном смысле, а оттого, что наш крестьянин не стал собственником-буржуа, каким должен быть всякий культурный мелкий буржуа, сидящий на своей земле и ведущий свое хозяйство»¹. Институт крестьянской собственности в России не сделался прочным регулирующим началом жизни народных масс.

Революция подготавливалась и осуществлялась с двух сторон: монархией с ее недопущением образованных и культурных классов к власти, к участию в устройении государства, и интеллигенцией страны ее близорукой войной против государства. Интеллигенция, несмотря на предупреждение 1905-1907 гг. натравливала низы на государство. Свою отрицательную роль сыграла в революционных событиях первая мировая война: «...война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей»².

В российской революции произошло сочетание с одной стороны, безмерного властолюбия и гордыни ничтожной кучки вожаков, с другой – разнузданных инстинктов и вожделий множества людей. Оценивая прошедшую большевистскую революцию, Струве сделал следующий вывод: «Торжество социализма или коммунизма оказалось в России разрушением государственности и экономической культуры, разгулом погромных страстей, в конце концов, поставившим десятки миллионов населения

¹ Вехи... С.466.

² Там же. С.461.

перед угрозой голодной смерти»¹. Он правильно оценил цели вожаков коммунизма: построение нового общества на основе классовой борьбы, разрыв существующих духовных связей и унаследованных общественных отношений. Для народных масс реальное воплощение доктрины социализма в жизнь ассоциировалось с разделом наличного имущества и получением достаточного и равного пайка.

В своей статье мыслитель высказывает важные консервативные идеи. Во-первых, он критикует классовую борьбу и воинствующий интернационализм: «Отчего идея классовой борьбы с такой легкостью завладела душой русского народа и опустошила русскую жизнь? Объясняется это некоторыми стародавними моральными пороками, гнездившимися в нашем народе, междуклассовым и междучеловеческим недоверием и недоброжелательством, часто разгоравшимся до ненависти. Революция порвала в русском народе старые связи, объединяющие людей, связи национальные, государственные и религиозные, и не создала вместо них никаких новых. Идея классовой борьбы в русской бытовой атмосфере оказалась силой только разлагающей и разрушительной, отнюдь не сплачивающей и не созидающей»². Пролетарский интернационализм, опирающийся на идею классовой борьбы, на практике привел к звериному человеконенавистничеству.

Струве критиковал большевистский, классовый подход к объяснению общества. Классовый признак сводил все объяснение народной жизни к скудному социально-экономическому содержанию «...не имеющему ни моральной, ни какой-либо иной духовной ценности»³. Мыслитель использует понятие нации. Он дает ее консервативное определение: «Нация – это духовное единство, создаваемое и поддерживаемое общностью культуры, духовного содержания, завещанного прошлым, живого в настоящем и в нем творимого для будущего»⁴. В понятии нации приоритет отдается не экономике, а культуре. В основе нации, по мнению Струве, лежит

¹ Вехи... С.467.

² Там же. С.474.

³ Там же. С.475.

⁴ Там же. С.474-475.

культурная общность в прошлом, настоящем и будущем, общая культурная работа. Если понятие класса разъединяет людей, то понятие нации, наоборот, объединяет. Мыслитель считал необходимым воспитание людей в национальном духе. Русские люди должны отказаться ложного идеала – классового интернационального социализма. Струве провозглашает приоритет национальных духовных ценностей над классовыми интересами: «Ни классовые интересы международного пролетариата, ни те или иные политические и социальные формы (например, республика, община, социализм) не могут притязать на какое-либо признание в качестве высших ценностей или идеалов. Национальная культура не подчинена каким-либо классовым интересам...»¹.

Не отрицал Струве и принципа социального иерархизма, характерного для консерваторов. Так он отмечал, что место всякого класса в народной жизни должно определяться его участием в национальной культуре. Даже выбор оптимальной для России формы правления связывается им с тем, насколько она может содействовать сохранению и развитию национальной культуры.

Для духовного, культурного и политического возрождения России, по мнению Струве, было необходимо идейное воспитание и перевоспитание образованных людей и народных масс. Для возрождения России мыслитель, как консерватор призывал обратиться к духовным святыням прошлого: «На развалинах России, пред лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмах мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, веришь ли ты в социализм, в республику, или в общину, но ей важно, чтобы ты чтит величие ее прошлого и чаял и требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, бесповоротно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия как живая

¹ Вехи... С.476.

соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего»¹. Русские люди должны объединиться, спаяться на основе общности национальной религии и культуры. Не случайно Струве постоянно ссылается на грамоты патриарха Гермогена, нижегородцев периода смутного времени. В патриотическом подъеме русских людей вставших на защиту национальной религии и независимости, Струве видел пример для русских патриотов 1918 г. В конце статьи он цитирует следующий отрывок из грамоты нижегородцев к вологжанам 1612 г.: «Быть нам всем православным христианам в любви и соединении. И вам бы... помнить общее свое... А нашим будет нерадением учиниться конечное разоренье Московскому Государству... который ответ дадим в страшный день суда Христова»². Таким образом, для освобождения страны от большевизма русские люди должны проявить свою волю и упорный труд.

В эмиграции П.Б. Струве кроме научной деятельности, занимался и редактированием целого ряда изданий русской эмиграции. С 1925 по 1927 гг. он редактировал газету «Возрождение», с 1927 по август 1928 гг. – газету «Россия», а с 1928 по 1933 гг. редактировал газету «Россия и славянство». В них опубликовал более четырех сот своих редакторских заметок. Эти публикации методологически были связаны своего рода «итоговой» проблемой – «свобода и судьба России». Можно согласиться с выводом Смагиной С.М.: «Главным вопросом, который продолжал волновать П.Б. Струве и на который он вновь и вновь пытался ответить, был вопрос о причинах и последствиях русской революции 1917 г., а также о формах российской государственности и условиях ее возрождения. Выявление его взглядов по вышеозначенным проблемам, в первую очередь позволяет обозначить ту “пограничную зону” между либерализмом и консерватизмом, в пределах которой и происходила трансформация мировоззренческой позиции Струве в

¹ Вехи... С.476.

² Там же. С.477.

эмиграции»¹. Именно в эмиграции им разрабатывается концепция либерального консерватизма, обосновываются ее основные положения. Струве рассматривал либеральный консерватизм как идеологию возрождения России. По его мнению, «...в России не повезло ни либерализму, ни консерватизму. Мы, русские слишком рано вкусили социализма, когда в стране не было никаких ни психологических, ни объективно-экономических предпосылок социализма. Мы поэтому часто являем из себя недорослей в либерализме и перезревших старых дев в социализме... Консерватизм нам тоже преподносится в образе тупого реакционерства: в таком только образе он оказывается понятен и отвратителен свободолюбивому интеллигенту...»². Для Струве было удивительно, что люди, претендующие на политическую образованность, были неспособны «...понять логически правомерного и исторически оправданного сочетания любви к свободе с любовью к порядку и традиции»³. Мыслитель считал, что в России на почве либерального консерватизма стояли А.С. Пушкин, Б.Н. Чичерин, славянофилы, Д.Н. Шипов. Анализируя жизнь Пушкина, Струве сделал вывод о том, что по своему духовному стилю он был свободолюбивый, но в то же время консервативным человеком.

Для Петра Бернгардовича был важен политический опыт Запада. Он писал: «На Западе широко распространено сочетание консерватизма не только с либерализмом, но даже с демократизмом»⁴. Сравнивая социально-политическое развитие России с социально-политическим развитием Запада, Струве выделял следующее своеобразие русского политического опыта: несмотря на западнические реформы Петра I, народ не приобщился к главному стержню западной свободы, к земельной собственности. Кроме того, буржуазная мораль и буржуазная дисциплина не имели в России тех корней, на которых они выросли в западноевропейской культуре. Как

¹ Смагина С.М. Петр Бернгардович Струве в эмиграции: либерал-консерватор или консерватор-либерал? // Консерватизм в России и мире: в 3 ч./ Редкол.: А.Ю. Минаков (отв.ред.) и др. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. Ч.II. С.239.

² Возрождение. 1925. №8. 10 июня.

³ Там же.

⁴ Там же.

отметила С.М. Смагина, в России не было Реформации и поэтому не произошло секуляризации христианской морали. Религия в России не превратилась, как на Западе в методику и дисциплину ежедневной жизни. Она не проникла в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало.

Очень важной для понимания доктрины либерального консерватизма Струве является его статья «Связь и смена поколений». Одной из важнейших основ консерватизма является уважительное отношение к национальной истории и традициям. Уважение к национальным святыням, героям необходимо воспитывать у молодежи с детства. Размышляя о судьбе молодежи Зарубежной России, оторванной от быта, культуры, традиций исторической России он писал: «Но страшно и, в сущности, означает духовно-национальную гибель – быть несвязанным с национальной историей и национальными традициями вообще. Вот почему здесь, за рубежом, именно в молодом поколении так важен, так не оценим культ истории, уважение к прошлому, почитание предков, духовное с ними сожительство»¹. Он придавал большое значение Православной вере, воспитывающему влиянию церкви. Вера отцов позволит соприкоснуться молодежи с живой тканью национальной истории. Струве делает вывод, что духовно Россия может возродиться только своим прошлым. Среди национальных героев, с которых нужно брать пример молодежи, он называет Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Петра Великого.

Струве много занимал вопрос об образе будущей России. Он писал, что возрождение России возможно лишь на основе национальных традиций: «...да, старая Россия смыта. Но все возрождения всегда происходят так, что великие исторические традиции, что великие исторические традиции, вне которых народ есть случайное и скверное скопление не помнящих родства Иванов, вселяются в новое народное тело и, одухотворив его, дают ему свой образ, освещают его свои именем... Смотреть вперед и созидать новое – значит именно сочетать в своем делании дух истории

¹ Возрождение. 1925. №191. 10 декабря.

прошлого и дыхание рождающейся, живой и в то же время исторической жизни настоящего и будущего»¹.

В эмиграции Струве активно боролся как с радикализмом справа, так и с радикализмом слева. Объектом его критики был П.Н. Милюков – бывший лидер партии радикальных либералов – кадетов. Струве называл его политиком, загнавшим себя в исторический тупик. Различия их взглядов касались оценки революции 1917 года. Мыслитель отмечал, что именно водоразделом различных течений российской зарубежной эмиграции служит их отношение к революции. Сам Струве в мировоззренческом плане находился в «центре», противодействуя двум видам политического дилетантизма – «революционно-соглашательского» (социалистов, евразийцев и т.д.) и реставрационно-интервенционистского. Он не мог не оценить в своих статьях взгляды евразийцев. Евразийцы демонстративно откешивались от патриотизма и национализма. В своей практической программе, отмечал Струве, евразийцы прямо копируют большевизм (федеративное устройство страны и систему советов).

Для Петра Бернгардовича февральско-октябрьская революция была двуединным процессом, жестоким и бессмысленным русским бунтом. Он однозначно и навсегда воспринял 1917 г. как год государственной и национальной катастрофы. Для него всякая идеализация революции была ложью. Прежде всего, революция, по Струве, не могла рассматриваться как абсолютно и изначально прогрессивное явление. «Только оптимистическая вера в прогресс, или, точнее, суеверия прогресса, – писал он, – внушает мысль, что революции всегда совершенствуют мир. Могут быть и реакционные революции, которые отбрасывают жизнь назад. Реакция всегда та же самая революция с обратным знаком»². Следствием большевистской революции было разрушение и деградация всех сил народа, материальных и духовных. Оценивая взгляды Милюкова о русской революции, Струве отмечал: «... Милюков во всех своих суждениях отдает дань рационально-радикальному предрассудку, что революции

¹ Возрождение. 1926. №242. 30 января.

² Возрождение. 1926. №547. 1 декабря.

всегда благодетельны и что сметают они только все плохое и слабое»¹.

Негативная оценка февральской революции была дана Струве в статье «Исторический выкидыш»: «Эта революция в истории России и всего мира не имеет никакого самостоятельного значения... Она явилась прелюдией к большевистской октябрьской революции, похоронившей вековое, великое и величавое здание Российской империи и поставившей на ее место великий мировой “скандал”, или по-русски “соблазн”, дорвавшегося до государственной власти Коммунистического интернационала. Февральская революция есть не просто неудача, а именно – исторический выкидыш со всеми чертами, присущими такого рода явлениям... Февральская революция есть лишь жалкая и бессильная прелюдия к тому омерзительному, с начала до конца перевороту, основным содержанием которого явилась омерзительная реакция, жесточайшее осквернение и понижение народной жизни...»².

Для либерального консерватора Струве важно было объективно разобраться в дореволюционной истории России. Он не скрывал ее недостатков, но в то же время не считал правильным представлять ее одним лишь злом. Струве сильно переживал великую историческую трагедию разрушения и поругания России. Он писал, что именно под покровом самодержавной власти, несмотря на реакционные поползновения правительства, росла русская культура, и развивалось земское самоуправление. Большевистская революция смела и земство, и земскую школу, и земскую медицину.

Другой темой для полемики с радикальными либералами, была тема народного представительства. В связи с 20-летним юбилеем несостоявшейся русской конституции Струве написал статью «Двадцать лет русской истории». Он критиковал позицию кадетов, их крайние лозунги и выступал в поддержку народного представительства П.А. Столыпина в охранительном, консервативном облике. Именно такое представительство без великих потрясений собирало и спланировало охранительные силы нации. Струве

¹ Возрождение. 1925. №23. 25 июня.

² Возрождение. 1927. №647. 12 марта.

подчеркивал важность эволюционного пути развития страны, чувства меры в политике. Поэтому он отмечал: «Россия начала XX в. не созрела для конституции. Последнюю нельзя было вводить в стране, в которой не имелось сложившихся крепких охранительных сил, могущих противостать ислам разрушительным, не было проникнутой политическим сознанием «буржуазии», не было общего, а не сословного права собственности, не было крестьянского собственностичества ...»¹.

Какой же представлял себе будущую Россию Петр Бернгардович Струве? Он писал, что в основе возрождения России должны лежать идеи свободы и сильной государственной власти: «...сейчас бесплодно вырисовывать те государственные пути, по которым пойдет возрожденная Россия, и тем более нелепо диктовать те формы, в которые выльется ее политическая жизнь. Вот почему у нас нет политических рецептов, а есть ясная и твердая мысль – России нужны: прочно огражденная свобода лица и сильная правительствующая власть. Наконец, у нас есть ясное сознание и твердое убеждение, что духовная крепость и свобода лица, мощь и величие государства в своих глубинах, основах и истоках восходят как-то к непреложным религиозным началам. Отрывая от этих начал, личность духовно никнет и мельчает, корни ее свободного бытия иссыхают. И государство, которое отнюдь не представляет собой просто технического приспособления, а есть некий таинственный сосуд национальной духовной и жизненной энергии, испытывает ту же судьбу, когда отрывается от религиозных начал. Вот почему для нас Великая Россия и Святая Русь не два различных естества, а лишь два различных лица единой и живой в своем единстве духовной сущности»². Такое понятие государство как живого, духовного, мистического организма характерно для русского консерватизма. Мыслитель отвергал классовый подход к государству. Он рассматривал его организацией порядка и примирения интересов различных классов.

¹ Возрождение. 1926. №345. 13 мая.

² Возрождение. 1926. №366. 3 июня.

Струве, в отличие от других представителей русской эмиграции, например, евразийцев, твердо придерживался принципа непризнания советской власти. Он не хотел идти с ней на компромиссы. Струве призывал к созданию антибольшевистского фронта из представителей российской эмиграции. При этом иностранную интервенцию в Россию он отвергал, считая освобождение от власти большевиков исключительно делом русских. Выступая за восстановления частной собственности, он отвергал имущественную реставрацию. Отмечая неподготовленность большинства населения к республике, он выступал за установление национальной диктатуры. Струве правильно полагал, что в крестьянской стране необходимо считаться с народной психологией. Так он писал: «Мистическое восприятие власти у мужика еще не изжито... Уровень его политического сознания настолько низок, что идея чистого народовластия ему еще совсем чужда. Всякий республиканский режим требует проникновения государственными интересами, чувства ответственности перед высшей выборной властью, способности подчинять свои желания общественному интересу, уважать его – все качества, возможные у массы более культурной и политически более сознательной, чем наш полубезграмотный мужик. Скачок в республику для нынешней России просто не возможен»¹. Опираясь на опыт Европы, а Россия была для него не исключением, Струве считал, что успеху демократии должна предшествовать длительная эволюция. Он называл следующие необходимые реформы для России после свержения большевизма: восстановление имени «Россия» вместо СССР, установления равенства всех граждан перед законом, отмену всех классовых ограничений и привилегий и в особенности привилегий коммунистической партии, устройство свободных выборов в центральные и местные учреждения, политическая амнистия в отношении эмигрантов, введение свободы печати. Однако первым элементом, основным условием и двигателем всей народной свободы должна служить свобода хозяйственная. Свою позицию в отношении будущей России Струве выразил так: «Я не легитимист в условиях Зарубежья – хотя в России охотно и радостно приму

¹ Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М.: 2004. С.54.

легитимную монархию, которая, принятая народом, будет осуществлять национальное призвание государственной власти, укреплять мощь государства, блюсти национальную культуру и охранять свободу лица и права человека»¹.

А.С. БУДИЛОВИЧ О ПРОТИВОРЕЧИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ПУТЯХ ЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

М.Н. Начапкин

Среди наиболее острых вопросов общественно-политической жизни Российской империи в начале XX века оставался национальный вопрос. Представители национальных окраин – поляки, финны, эстонцы, латыши, литовцы принимали активное участие в первой русской революции. Решение национального вопроса занимало важное место в программах российских политических партий. Большевики выдвинули в своей программе пункт о праве наций на самоопределение. Либеральные партии, например, кадеты, придерживаясь принципа сохранения единой и неделимой России, обещали рассмотреть в будущем возможность признания независимости Польши. Свои оценки проблем в национальных отношениях и путей их преодоления предлагали и русские консервативные мыслители. Одним из таких мыслителей был профессор Антон Семенович Будилович (1846-1908). Он был русским филологом-славистом, консервативным публицистом, монархистом, идеологом панславизма. Его размышления о причинах межнациональных конфликтах и принципах взаимоотношениях в многонациональном государстве не потеряли актуальности и для современности. Для молодежи всегда имеет и будет иметь большое значение *правильно поставленное национальное воспитание*.

После окончания Литовской духовной семинарии Будилович в 1863 г. поступил на историко-филологический факультет Императорского С.-Петербургского университета, после окончания которого, был оставлен для приготовления к профессорскому званию по славянской филологии. С 1869 г. – приват-доцент славянских наречий в С.-Петербургской духовной академии. В 1871 г. Антон Семенович защитил магистерскую диссертацию «Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова, по рукописи Императорской Публичной библиотеки XI века». В 1872-1875 гг. – в научной командировке по славянским странам и

¹ Струве П.Б. Дневник политика... С.384.